

Между молотом и наковальней или узбеки в России

«Лена-ана, меня опять милиция задержала!». Этими словами телефон часто будит меня по утрам, их же то и дело я слышу по мобильнику и днем, и поздним вечером. Звонят беженцы, почти всегда – узбеки: в последние годы львиную долю тех, кто бежал из своих стран от преследований по политическим или религиозным мотивам, составляют граждане Узбекистана.

О репрессивном характере нынешнего узбекского режима сказано и написано столько, что нет нужды повторять очевидное. Гораздо меньше известно о том, в каком положении оказываются узбекские беженцы в России.

Люди, которым удалось спастись от преследований на родине, всерьез надеются найти здесь защиту и безопасность для себя и своих близких. Среди них – члены демократической оппозиции и правозащитники, свидетели Андижанской трагедии и даже те, кто, не принимая никакого вообще участия в общественной жизни Узбекистана, просто соблюдал предписанные исламом обряды.

Каждый из них по прибытии в Россию обречен испытать шок от того, что на этой огромной, полупустой территории места для них не оказывается. Большинство их покидает родину, еле-еле изыскав средства на дорогу. Многие бегут от непосредственной угрозы ареста, оставив дома семьи, с которыми рассчитывают воссоединиться, как только устроятся на новом месте.

«Устройство» начинается с того, что на 4-й день после приезда они оказываются виновными в административном правонарушении – пребывании на территории РФ без регистрации, на оформление которой закон отводит трое суток. Даже если представить себе практически невероятное – что в России беженца с нетерпением ждет родная тетька, готовая приютить его в своей квартире, она не успеет зарегистрировать его за это время.

Но, как правило, у правозащитников из Коканда и фермеров из Карши, правоверных мусульман из Намангана и зевак с площади Бобура в Андижане нет родных тетюшек ни в Москве, ни в Арзамасе, ни в Новосибирске. Зато на вокзалах и в аэропортах их с не меньшим нетерпением ждут респектабельные жулики, предлагающие «совершенно официально» за пару часов оформить регистрацию по сходной цене. На это часто уходит изрядная доля привезенных с собой денег. Хорошо еще, если остатка хватит, чтобы откупиться от первого же постового милиционера, который вскоре остановит «лицо азиатской национальности» для проверки паспортного режима. (В скобках заметим, что сотрудники патрульно-постовой службы на это не уполномочены). Иначе, вероятнее всего, дело кончится одним из двух: или составлением протокола о нарушении правил пребывания иностранных граждан в РФ и передачей материалов в суд, который минут за 5 проштампует постановление о выдворении из России, или же – возбуждением уголовного дела за использование заведомо подложного документа. Какое из этих двух зол для человека, бежавшего от людоедского режима Каримова, считать меньшим?

Допустим, все же, что удалось благополучно избежать встречи с постовыми охотниками за бронежилетами или откупиться от них и добраться до миграционной службы, чтобы подать ходатайство о предоставлении статуса беженца. Здесь-то и начнется самое интересное, причем, с вариациями – в зависимости от того, в каком регионе России оказался ищущий убежища человек.

В Москве ему предложат явиться на собеседование ровно к 10 утра в назначенный день ... году, этак, в 2009. В городском Управлении Федеральной миграционной службы работают люди обязательные, не терпящие разгильдяйства, поэтому, на всякий случай, в тексте приглашения имеется памятка: *«Неявка без уважительной причины в назначенное время на интервью считается отказом заявителя от прохождения процедуры. Повторное назначение даты интервью исключается»*.

В Нижнем Новгороде посетителя сразу же направят побеседовать с сотрудником ФСБ, который душу из него вынет, выясняя, кого еще из узбекских беженцев знает вновь прибывший, где они живут, чем занимаются, а если кто-то из них оказался на Украине, то поддерживает ли он там «оранжевые» связи.

Проще всего и совсем уж незамысловато поступит, например, Тюменская миграционка: вытащит на свет божий запрос узбекской Генпрокуратуры о выдаче разыскиваемого «за посягательство на конституционный строй» способом 5-кратного совершения намаза (из-за чего он, собственно, и бежал с родины) и запросит мнение Регионального управления ФСБ на его счет. После чего на основании полученных оттуда сведений, что в Узбекистане, оказывается (?!), уже *«отменена смертная казнь»* и *«прекращена практика политических преследований лиц в связи с изменением курса страны»*, откажет заявителю в рассмотрении его ходатайства. Нечего и говорить, что сам заявитель первым делом окажется заключенным под стражу, т.к. *«необходимо обеспечить возможность выдачи его правоохранительным органам Республики Узбекистан»*. Вот таким «убежищем» в СИЗО-1 г. Тюмени девятый месяц «наслаждается» бывший студент-экономист Самаркандского университета Байрамали Юсупов, отчисленный оттуда из-за своего усердия в соблюдении мусульманских обрядов.

Если же и эта опасность миновала и ходатайство на статус, наконец, принято к рассмотрению, то через 3 месяца на него будет получен ответ с формулировкой, которую уверенно может предсказать любой из адвокатов, работающих в области миграции: *«Вам отказано в признании беженцем на территории Российской Федерации как лицу, не отвечающему критериям понятия беженец согласно пп.1 п.1 ст.1 Федерального закона «О беженцах»*. Если в данном случае уместен юмор, то заключается он в том, что этот самый пп.1 п.1 ст.1 упомянутого закона критериями понятия «беженец» признает те самые причины, по которым заявитель был вынужден покинуть родину. Но, поскольку ни одна из конституций стран СНГ не предусматривает преследований по признаку расы, вероисповедания, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, то и доказать их оказывается нечем. Сфабрикованные уголовные дела, убитые или искалеченные родственники, слежка за детьми и прямые угрозы со стороны сотрудников СНБ и МВД Узбекистана – не аргументы в этом споре человека с госмашиной.

Тем не менее, подача ходатайства – шаг необходимый. Пока оно рассматривается, а потом полученный отказ оспаривается в суде, человек не подлежит депортации, как лицо, ищущее убежища.

Правда, об этом не всегда знают милиционеры, у которых вид неславянского лица вызывает сильнейший прилив пламенного патриотизма (*«понаехали тут!»*) вкупе с острой подозрительностью (*«все они – бандиты и террористы!»*). Поэтому частенько после первого *«Лена-ана»* я слышу привычное продолжение с узбекским акцентом: *«он сказал, я незаконный, сказал, мой документ фальшивый!»*. Как было замечено выше, остудить этот «правоохранительный глинтвейн» может только государственный казначейский билет РФ или телефонный разговор, из которого ударник борьбы с нелегальной миграцией поймет, что именно этого «нерусского»

лучше отпустить, иначе хлопот не оберешься с претензиями настырных правозащитников. И всякий раз, «выковыривая» очередного подопечного из очередного отделения милиции, я отдаю себе отчет, что за упущенную добычу дежурный наряд воздаст себе вдвойне еще до конца смены.

Но все в природе конечно, и время ожидания последнего, уже неоспоримого, отказа в предоставлении статуса в России - тоже. Хорошо еще, если к этому моменту беженец, нахлебавшийся «дружбы народов» по самое не могу, не убитый и не искалеченный коротко стриженными «мелкими хулиганами» в ботинках на бронебойной подошве, успел обратиться в УВКБ ООН. Там, после собеседований и проверок, занимающих не один месяц, он, может быть, получит заветную синюю «корочку» - удостоверение лица, находящегося под международной защитой. В этом случае у него есть шанс хоть когда-нибудь оказаться в такой, невообразимой в наших краях, точке земного шара, где цвет волос и разрез глаз не считаются криминалом.

А если нет, то рано или поздно, итогом его хождений по мукам неизбежно станет приемник-распределитель для лиц, подлежащих административному выдворению (по сути - та же тюрьма). И, как только его родственники и знакомые накопят денег на авиабилет до солнечного Узбекистана, он ступит на родную землю, которую когда-то покинул из-за смертельной угрозы.

Правда, будем справедливы - не всегда возвращение в круги ада беженец оплачивает за свой счет. Если за время пребывания в России он невзначай успел чем-то задеть пресловутую «вертикаль», пусть даже самое нижнее ее звено, то не извольте беспокоиться - все затраты она возьмет на себя. Так случилось со студентом одного из ВУЗов Казани, Марселем Исаевым, который отказался лгать в суде, хотя его настоятельно «просил» об этом оперуполномоченный казанского УБОП Кириченко. Опер оказался настолько оперативным, что Марселя отправили в Ташкент за гос.счет еще до того, как миграционная служба успела отказать ему в статусе. Не помогло даже вмешательство российского омбудсмена В.П.Лукина, которому в МВД Татарстана ответили, что ничего сделать не могут, т.к. выдворение Исаева контролируют их «смежники». Вряд ли есть необходимость разъяснять, какие-такие «смежники» имелись в виду в данном случае.

Это, однако, еще цветочки. Ягодки достаются тем, кого узбекские коллеги российских «смежников» объявили в розыск по обвинениям в нелояльности режиму Каримова. Причем, не важно, в чем эта нелояльность была усмотрена - в правозащитной ли деятельности, в соблюдении религиозных обрядов или просто в том, что «преступник» оказался в родстве с кем-то из погибших в Андижанской бойне - уж не говоря о тех, кто утром 13 мая 2005 г. шел на работу мимо площади Бобура.

Не спасает и то, что человек, предназначенный в жертву на алтарь дружбы узбекского и российского президентов, к моменту андижанской трагедии давно находился в России. Раз попал в облаву - не взыщи: фамилии по факсу - туда (в Ташкент, т.е.), постановление о розыске и запрос о выдаче - обратно, и все тип-топ. Именно это произошло в июне прошлого года в г. Иваново с 14 узбеками, которых российские правоохранители давно бы уже отправили на расправу узбекским, если бы не шум, поднятый на весь белый свет вредными правозащитниками. А так - мое почтение уважаемой Генпрокуратуре РФ, вынужденной в этот раз, под присмотром прессы и НПО, неукоснительно следовать процедуре. Правда, не слишком оглядываясь на международное право, которое вообще запрещает принудительное возвращение в страны, где применяются пытки и смертная казнь.

Что же касается права российского, в частности, Конституции, которая исключает экстрадицию граждан России – тут, как говорится, «не сотвори себе кумира». Был бы человек и запрос на него, а гражданство РФ – не отпечатки пальцев: сегодня оно есть – завтра его нет. Сценарий этого перформанса отработан до мелочей: все, что надо для достижения результата – справка, что интересующий СНБ субъект якобы когда-то получил узбекское гражданство, которое потом якобы скрыл при принятии российского. Одному из ивановских узников, Хатаму Хаджиматову, участвовавший в его задержании узбек в штатском так и сказал: «Ты гражданин России? Хоп! Посмотри в последний раз на свой российский паспорт – больше не увидишь. Сделаем тебе узбекский и прописку в центре Ташкента. Признайся, что причастен к Андижану – отсидишь лет 10 и выйдешь. А если нет – пеняй на себя».

Первую часть обещания этот защитник права власти на отстрел соотечественников исполнил – своего российского паспорта Хатам действительно больше не увидел, а только узнал, что суд на основании присланных из Узбекистана липовых сведений принял решение о незаконности его получения. Зато со второй половиной прогнозов, к счастью, накладочка вышла - Хаджиматов нынче на Украине и находится под защитой УВКБ ООН.

Существенно меньше повезло его предшественнику, Алишеру Усманову. Он, как и Хатам, никогда не был гражданином Узбекистана, но в его случае Вахитовский районный суд г.Казани не счел нужным дочитать узбекский закон о гражданстве до ключевого места, где говорится о необходимости волеизъявления заявителя. Видимо, сыграла роль советская привычка к тому, что в Ташкенте не может быть иначе, чем в Москве: раз был прописан на территории страны на дату вступления закона в силу, значит, гражданин. В общем, российское гражданство Усманова было благополучно аннулировано. Сам же он в день освобождения после отбытия срока за подброшенные боеприпасы был похищен прямо из казанского СИЗО, посажен в самолет и, как заявили в пресс-службе СНБ, *«этапирован в Узбекистан согласно совместному с ФСБ России плану по борьбе с международным терроризмом»*.

Занятно, что Генпрокуратура РФ, ведающая вопросами экстрадиции (которые - исключительно ее прерогатива), об этом ничего не знала. Как, впрочем, и руководство российской погранслужбы, заверившее правозащитников, что поименный учет лиц, пересекающих наши неусыпно охраняемые рубежи, не ведется – токмо поголовный, посему знать - ничего не знаем, а в лицо не помним. Так что, с чего бы Алишеру-ака приспичило совершить экстрим-тур по маршруту: СИЗО Казани – СИЗО Ташкента – СИЗО Намангана – колония строгого режима в Карши, и зачем он там поселился на 8 лет – одному богу ведомо...

Да, много еще можно было бы рассказать о дружбе режимов и судьбах их подданных, но – прости, читатель, звонит телефон:

- Здравствуйте, Лена-апа! Как Вы поживаете, как здоровье?
- Равшан, ближе к делу – первый час ночи. Какое отделение?
- ОВД «Останкинский».

Постскриптум.

По данным ФМС (Федеральной миграционной службы), в 2000г. статус беженца на территории РФ имели 26 065 человек, в 2003г. – 8 725 человек.

На начало апреля 2006г. в России 452 официально признанных беженца.

Путем несложных арифметических подсчетов легко убедиться, что эта величина имеет все шансы в ближайшем будущем стать отрицательной.

После публикации: в июле 2006 г. беженцев осталось уже 409.